

На дне и на небе

Ольга ФУКС

В ЭТОМ СПЕКТАКЛЕ-ПРОЕКТЕ НЕТ ЗАФИКСИРОВАННОГО СОДЕРЖАНИЯ — ЕГО ПОСТОЯННО ДОПИСЫВАЕТ САМ ГОРОД, ВЕЛИКИЙ, СТРАШНЫЙ И ПРЕКРАСНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. РЕЖИССЁР НЕ ЗНАЕТ, СКОЛЬКО ИСПОЛНИТЕЛЕЙ БУДЕТ СЕГОДНЯ НА СЦЕНЕ, И НЕ СЕТУЕТ НА ЭТО — ВЕДЬ ПРИЧИНОЙ «ПРОГУЛА» МОЖЕТ БЫТЬ ХОРОШЕЕ РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ. А МОЖЕТ И ТРАГИЧЕСКОЕ. ГОНОРАР ТУТ ПЛАТЯТ НЕ ВСЕМ АКТЁРАМ, А ТОЛЬКО ТЕМ, КТО НИКОГДА НЕ УЧИЛСЯ АКТЁРСКОМУ МАСТЕРСТВУ. ПРОФЕССИОНАЛЫ, НАПРОТИВ, РАБОТАЮТ БЕСПЛАТНО. ЭТОТ СПЕКТАКЛЬ-ПРОЕКТ НИ КОПЕЙКИ НЕ СТОИЛ БЮДЖЕТУ, ОН КОЧУЕТ ПО ПЕТЕРБУРГУ — И КАЖДЫЙ РАЗ ЗАЛ НЕ МОЖЕТ ВМЕСТИТЬ ВСЕХ ЖЕЛАЮЩИХ. ДЛЯ КОГО-ТО ОН СТАЛ ПОСЛЕДНЕЙ СОЛОМИНКОЙ, ПОПЫТКОЙ РЕВАНША, А КОМУ-ТО ТАК И НЕ СМОГ ПОМОЧЬ.

Фото: Сергей Николаев

чччччччччч

ютеранская Анненкирхе на Кирочной улице младше самого Санкт-Петербурга на год или на два. Сама императрица Анна Иоанновна оплатила её перестройку. Здесь был и немецкий орган, и «Вознесение Христа» Эрнста Липгарта на алтаре и немецкое училище Святой Анны при церкви. Была богадельня, и детский дом, и приют для девочек, больница, земледельческий приют «для падших женщин», кинотеатр «Спартак»... В 1990-е годы кинотеатр (уже Госфильмофонда) как-то уживался с возобновлёнными лютеранскими службами, и вместе они отбивались от фирмы «Эрато» (в чьё ведение перешло здание), которая уготовила ему участь ночного клуба. И отбились, отсудив по закону право быть церковью. Но через несколько дней она запылала от внезапного пожара и выгорела дотла. Именно в этой старинной церкви с судьбой бомжа (ими тоже часто становятся вследствие чьих-то манипуляций), с памятью о сырых, падших и болящих, полностью выстуженной и сохранившей следы страшного пожара, была сыграна первая премьера спектакля «НеПРИКА-

Фото: Ольга Головина

Фото: Владимир Абих

САЕМЫЕ», главными героями которого стали бездомные.

Другой важный адрес для этого спектакля – Боровая, 112. Здесь располагалась знаменитая «Ночлежка», где бомжи Петербурга могут переночевать, поест, помыться. Бездомных здесь много, но ночлежка, как правило, не бывает переполнена, ведь основное условие – прийти до 23.00 и трезвым – могут выполнить далеко не все. Именно здесь началась подготовка к спектаклю: волонтёры, среди которых были и актёры, беседовали с бездомными, собирая их кровотокащие истории. Актёры и бездомные оказывались в некой связке. В одних случаях бездомный делегирует свою историю, в других – выходит с актёром в паре, а актёр должен быть готов к тому, что его герой не придёт на спектакль: может, выправил паспорт и уехал, а может, занят сиюминутными проблемами выживания.

Вот лингвист и переводчик Андрей, бывший обладатель комнаты в коммуналке с агрессивными соседями. От нежелания опять «видеть эти рожи» ушёл из дома, несмотря на сломанную ногу, унося в рюкзаке жёсткий диск со слова-

рями и работами. И был даже счастлив от этой робинзоньей свободы. Нога как-то срослась, а вот рюкзак с винчестером и документами украли в первую же ночь. От имени Андрея на премьере говорил актёр и режиссёр Борис Павлович, транслируя в зал не только историю своего героя, но и бессильный бунт интеллигента против «этих рож». Возникла интерактивная дискуссия со зрителями: одни предлагали помощь, чтобы разобраться с агрессорами, другие обозначали проблемы самого Андрея, который предпочёл побег борьбе.

Вот девушка-волонтёр Марина, которая так боялась бомжей, что... пришла в проект. Чтобы победить свои страхи.

Вот паренёк, который когда-то жил в квартире на площади Восстания, такой большой, что можно было кататься по ней на велосипеде. Рисует траекторию своего падения: пропала мать, запил отец, бабушка захотела пожить спокойной жизнью, на улице было весело и лихо, а каждый привод в милицию заканчивался условными сроками, пока однажды не дорос до реального. Оттуда некуда было возвращаться.

Вот щебечут девушки-наркоманки, пришедшие на осмотр: говорит одна, другие подхватывают её слова, и эхо бьётся под сводами церкви, как стая ворвавшихся птичек. Их истории схожи до неразличимости, их телефонов хватило на целую видеопроекцию до потолка и на все тротуары Питера – только успевай под ноги смотреть.

Вот известный питерский «гений места» – Виктор Лукьянов, исполняющий доставшуюся ему роль кондуктора как настоящий артист, недаром о нём даже сюжет сняли на телевидении: после развода много лет жил по каптёркам, собирал бутылки, нанимался дворником везде, где брали.

Вот другой «гений места» – Вячеслав Раснер, самый популярный экскурсовод Петербурга (ежедневно водит экскурсии по Невскому), а в прошлом учитель географии и биологии, которого выжили из квартиры соседи за деятельную жалость к бездомным животным. Ситуацией тут же воспользовался чёрный риелтор, предложив сделку и комнату в новой квартире без соседей. И хотя Раснер знал наверняка, что его обманут, «отказаться было неудобно». Так и оказался на улице вместе с собаками.

Вот третий – Тони Бой из группы «Невский бит», потерявший жильё из-за долгов, а потом чуть не сгоревший в подвале, где ночевал. Его монолог уличного музыканта в спектакле – первый шаг к возвращению в нормальную жизнь после бродяжничества и ожоговой больницы.

Вот звучит, наверное, самая пронзительная (и самая изобретательная с точки зрения режиссёрского решения) история Яши Яблочника, рассказанная актрисой Ольгой Белинской. подро-

Фото: Александра Денисова

Фото: Ольга Голубина

сток кружит с камерой вокруг актрисы, которая сама похожа на подростка. Мы не сразу понимаем, что этот худой оператор и есть герой истории – истории детдомовца при живой биологической матери, который ещё в детстве стал жертвой воспитателя-педофила. А потом по совету доброй, но невежественной учительницы попал в детскую порно-студию. Он мечтает завести приют для бездомных кошек и на первое же своё пособие купить рекламное место на баннере, висящем прямо перед окном матери, а на нём – изображение кошки в заботах о котятках. Осознание, что Яша перед ними, вызывает у зрителей шок, короткое замыкание боли. Театроведы будут спорить, не перейдена ли граница между искусством и провокацией, искусством и криминальной хроникой. Но спектакль стал для Яши буквально спасением – теперь его устройством и поиском жилья занимается актриса и депутат Анастасия Мельникова. А Ольга Белинская, которая склонна в первую очередь уважать своего героя за достоинство, страсть к чистоте внешней и внутренней, говорит, что в ней живёт точно такой же Яша.

Режиссёр спектакля Михаил Патласов известен в театральных кругах своими документальными спектаклями «Антитела» («Золотая маска») и «Шум» («Золотой софит»). Михаил признаётся, что и себя чувствует бездомным: выросший в деревне, знающий историю своих ссыльных предков, проживший много лет в общежитии, он испытывает страх потерять дом на генном уровне. К слову, по первому образованию он следователь: разбираться в человеческой природе, в мотивах по-

Фото: Александра Денисова

ступков начал ещё задолго до прихода в театр. Его работа над спектаклем сегодня выглядит как большой научный труд по социологии с широким кругом вопросов. Каковы основные фокус-группы бездомных? Как запускается механизм превращения человека социального в бомжа? Каким образом выживают на улице? Возможно ли самоуважение на дне (чего стоит, например, рассказ двух бездомных о том, как они постоянно пользовались духами из пробников в парфюмерных магазинах, их волновал собственный запах – один из основных маркеров человека в переполненном городе)? Что за страшное явление рабцентров, где за крышу над головой и еду бездомный человек платит фактически рабским трудом? Как быстро может выгореть волонтер, взявшийся помогать бездомным? Какие законы царят в этом мире, где «живут по Библии и Станиславскому – сегодняшним днём», без дома и без времени? Как встречают новичков? Михаил сознательно отказался от привычной роли режиссёра-демиурга: ему важнее быть модератором, катализатором самого процесса, который развивается по своим законам.

Композитором спектакля стал легендарный Олег Каравайчук – это была одна из его последних работ перед смертью. В оформлении принял участие стрит-арт-художник Владимир Абих. Его проект «Уличная грязь», объехавший несколько городов и стран, в своё время произвёл огромный эффект: на специальные пластины, которые устанавливали на улицах, особым образом наносили фотографии бездомных. Поначалу невидимые, эти изображения проступали, впитывая в себя уличную пыль, выхлопы машин – точно сама улица рисовала лики своих обитателей.

Финал спектакля подсказал Интернет, а именно многочисленные форумы про то, как «выгнать бомжа из парадной». Участники спектакля вывалили всей толпой, негромко зачитывая адресованные к ним обещания своих благополучных сограждан «выжечь напалмом», «бить в живот – они голодные, это их самое слабое место».

А потом звучал «Гимн Великому городу» из балета «Медный всадник», и мы смотрели друг другу в глаза: одинаково промёрзшие, домашние и бездомные,

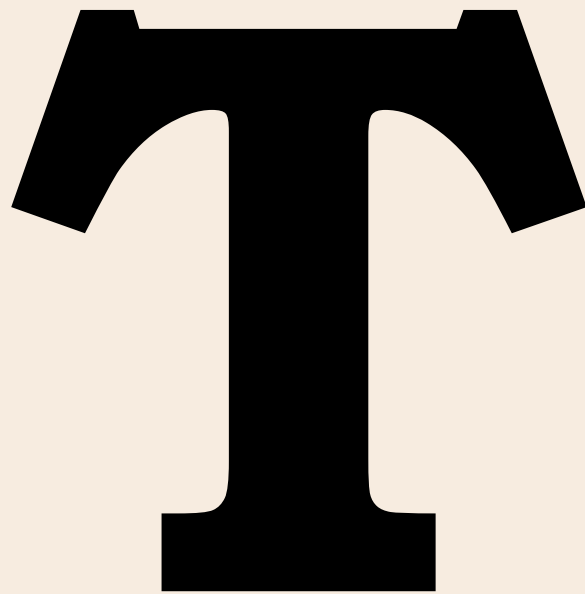
которых отделяли друг от друга только несколько шагов...

Как любой живой организм, спектакль «НеПРИКАСАЕМЫЕ», родившись, зажил своей непредсказуемой жизнью. После обгоревшей Анненкирхе был сыгран в роскошном Шереметьевском дворце – где, наоборот, пространство вступило в противоборство со спектаклем. Потом во дворе Феодоровского собора на фестивале неформальных театров «Точка доступа», втягивая в свою орбиту всё новых участников. Да каких! К проекту присоединился Пётр Семак, а его героем стал таджикский писатель, режиссёр, консультант исторических фильмов, знаток йоги Мир Зафар, автор серии книг «Воин, идущий к Солнцу», потерявший память после инсульта (в процессе репетиций Семак узнал, что с Зафаром они ходили вместе на занятия Аркадия Кацмана в театральном институте). На него обратил внимание питерский студент Александр Гущин. Сначала подарил ему зонтик, потом одеяло, потом стал искать через социальные сети его родных. Родственники нашлись в Якутске и Душанбе, а посол Таджикистана персонально занялся его делом. Так что на следующем спектакле Зафара, скорее всего, не будет. Но режиссёр на него не в обиде.

On the Bottom and in the Sky

Olga FOUX

THE WRITING OF THIS PRODUCTION PROJECT IS CONSTANTLY BEING ADDED TO BY THE CITY OF SAINT PETERSBURG ITSELF. THE DIRECTOR DOESN'T KNOW HOW MANY PERFORMERS WILL GO ON STAGE ON ANY PARTICULAR DAY, AND HE DOESN'T COMPLAIN ABOUT IT — AFTER ALL, THE REASON FOR «TRUANCY» MAY BE A PROGRESSION OF EVENTS — HAPPY OR TRAGIC. FEES HERE ARE PAID ONLY TO NON-PROFESSIONAL ACTORS. PROFESSIONALS WORK FOR FREE. IT DIDN'T COST THE BUDGET A SINGLE PENNY, IT ROAMS AROUND SAINT PETERSBURG — AND EVERY TIME THE AUDIENCE HALL IS UNABLE TO SEAT ALL THOSE WANTING TO SEE IT. IT BECAME THE FINAL STRAW FOR SOME, AN ATTEMPT TO SETTLE THE SCORE, AND SOME OTHERS IT NEVER DID MANAGE TO HELP.

he Lutheran Annenkirche on Kirochnaya Street is a year or two younger than Saint Petersburg. It had a German organ, and Ernst Lipgart's "Ascension of Christ" on the altar, and a St Anne's German College on the premises. It had a hospice, an orphanage, and an asylum for girls, a hospital, an agricultural asylum "for fallen women", the Spartak movie theatre... In the 1990s, the movie theatre (already belonging to Gosfilmofond) somehow managed to get along with resumed Lutheran services, and together they kept fighting off the Erato Company (that took over the management of the building) that wanted to turn the building into a nightclub. They did manage to fight it off in the end, winning by court action the right to be a church. Yet several days after that it burst into flames from a sudden fire and burned to the ground.

It was in that ancient church with its fate of a vagabond (it is also possible to become one as a result of someone's manipulations), with its memory of the orphaned, the fallen, and the sick, entirely

Photo by Ivan Zaitzko

Photo by Sergey Nikolaeu

cold and bearing the scars of a terrible fire, that was shown the first premiere of the production "The UnTOUCHABLES", whose protagonists were the homeless.

Another important address for this production is 112 Borovaya Street. This is the location of the famous "Nochlezhka", where the Saint Petersburg homeless can stay overnight, eat, and wash up. It is here that the preparations for the production began: volunteers and actors spoke with the homeless, collecting their raw, bleeding stories. The actors and the homeless ended up in a roped team of sorts. In some cases, a homeless person would delegate their story, in others they would play opposite the actor, and the actor must be prepared for having their protagonist miss the performance: maybe they managed to obtain a passport and left, or maybe they are busy with the immediate problems of survival.

Here is Andrei, a linguist and a translator, former owner of a room in a communal apartment with aggressive neighbors. Due to his unwillingness "to see those ugly mugs" any longer, he left home, despite a broken leg, carrying a hard disc with his dictionaries and works in his

backpack. And he was even happy with this Robinsonian freedom. His leg healed more or less, but his backpack with the hard drive and the documents were stolen the very first night. Actor and director Boris Pavlovich spoke on behalf of Andrei at the premiere, relaying not only the story of his protagonist to the audience but also an intellectual's impotent revolt against "those ugly mugs." An interactive discussion with the audience ensued: some offered help to deal with the aggressors; others emphasized the problems of Andrei himself, who chose flight over fight.

Here is a group of drug addict girls, who came for a look-over, and they are chattering away: one of them speaks, the others join in, and the echo beats about under the church's dome like a flock of birds that had burst inside. Their stories are alike to the point of being indistinguishable; they had enough phones for an entire video projection up to the ceiling and to all of Saint Petersburg's sidewalks – just keep your eyes on the road at your feet.

Here is the "genius of the place" – Vyacheslav Rasner, Saint Petersburg's most popular tour guide (he conducts daily tours along the Nevsky Prospect), and formerly

a teacher of geography and biology, whom neighbors forced out of his apartment for his active compassion toward strays. A "black realtor" instantly took advantage of the situation by offering a deal and a room in a new apartment with no neighbors. Even though Rasner knew that he was going to be swindled, he "felt uncomfortable saying no." That's how he ended up on the street with the dogs.

Here is Tony Boy from the Nevsky Beat band, who lost his home because of debts and then almost burned to death in the basement where he was spending the nights. His street musician monologue in the production is the first step toward returning to a normal life after vagrancy and a burn care centre.

Here is perhaps the most poignant (and the most inventive as far as directing solution goes) story of Yasha Yablochnik told by the actress Olga Belinskaya. A teen with a camera is circling around the actress who looks like a teenager herself. We do not realize right away that this skinny cameraman is, in fact, the protagonist of the story – the story of a children's home resident with a living mother, who became victim of a pedophile tutor as a child. And who then ended up in a children's porn studio on an advice from a kind but ignorant teacher. He dreams of starting a shelter for stray cats and of using his very first allowance to buy space on an advertising banner that hangs right in front of his mother's window and of putting on that banner a picture of a cat caring for her kittens. The realization that Yasha is before them is a shock to the audience, a short-circuiting of pain. Theatregoers will argue whether or not this crosses the line between art and provocation, art and crime news. However, for Yasha this production became a literal salvation – actress and Duma member

Photo by Sergey Nikolaeu

Photo by Olga Golovina

ЧЧЧЧЧЧЧЧ

Anastasia Melnikova is now working on setting him up with a job and finding him a place to live. And Olga Belinskaya, who is inclined to respect her protagonist first and foremost for his dignity, passion toward purity both external and internal, says that she has the very same Yasha living inside her.

Production director Mikhail Patlasov is known in theatre circles for his documentary productions “The Antibodies” (Golden Mask) and “The Noise” (Golden Floodlight). Mikhail confesses that he feels like a homeless person: for him, having grown up in the countryside, knowing the story of his exiled parents, having lived many years in a dormitory, his fear of losing his home is at a genetic level. Incidentally, his first degree is in investigations: he began learning about human nature, about motives for actions long before coming to theatre. Today his work on the production resembles a large treatise on sociology with a wide range of questions. How the mechanism of turning a man into a social vagabond does gets launched? How do they survive on the street? Is self-respect possible on the bottom (take, for instance, a story by two homeless men about using perfume from testers in perfumeries because they were worried about how they smelled)? What is that terrible phenomenon of slave centres, where a homeless person

pays for a roof over their head with what is virtually slave labor? What laws prevail in the world where people “live according to the Bible and Stanislavsky – from day to day”, with no home and no time?

The legendary Oleg Karavaichuk became the production’s composer – it was one of his final works before his death. Street artist Vladimir Abikh took part in set design. His “Street Dirt” project, which toured several cities and countries, made a tremendous impact in its time: special plates were set up in the streets with photos of homeless people superimposed on them in a particular way. Invisible at first, these images showed through upon soaking in street dirt and car exhausts – as if the street itself was painting the faces of its inhabitants.

The production’s finale was prompted by numerous internet forums on the subject of “how to chase a bum out of the lobby.” Production participants read the pledges of their well-to-do fellow citizens that were addressed to them, pledges to “burn them out with napalm”, to “kick them in the gut – they’re hungry, it’s their weakest spot.” Then the “Hymn of the Great City” from the “Bronze Horseman” ballet was played, and we were all looking each other in the eye: all of us equally frozen, those with a home and those without one, separated from one another by mere steps...

Like any living organism, the production of “The UnTOUCHABLES”, once born, began living its own unpredictable life. After the burned down Annenkirche it was performed at the luxurious Sheremetyevo Palace. Then in the courtyard of the Temple Theodore at the Point of Access non-formal theatre festival, pulling new participants into its orbit. And what participants they were! The project was joined by Pyotr Semak, while Mir Zafar, Tajik writer, director, historical film consultant, author of the “Warrior Walking Towards the Sun” book series, and yoga expert, who lost his memory after a stroke, became his protagonist. Saint Petersburg student Alexander Gushchin was the one who noticed Zafar. At first, he gave him an umbrella, and then a blanket, then he began searching for his relatives via social networks. He found Zafar’s relatives in Yakutsk and Dushanbe, and the Ambassador of Tajikistan personally took on his case. So Zafar will likely not be there at the next performance. But the director has no hard feelings toward him.

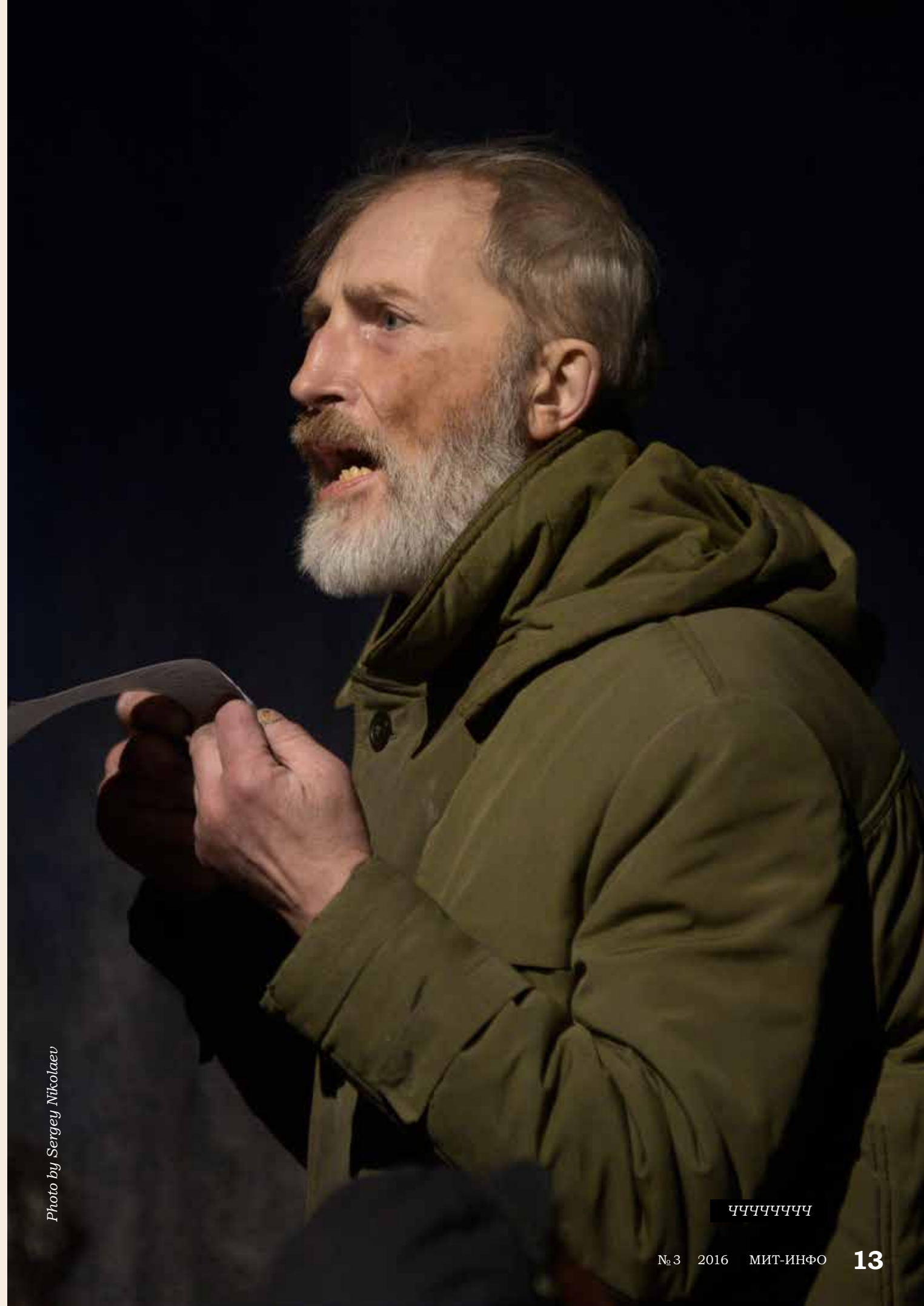

Photo by Sergey Nikolaev

ЧЧЧЧЧЧЧЧ